

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Никулин А.М.

**Компаративистский анализ аграрных теорий, идеологий,
институтов сельского развития**

Москва 2019

Аннотация. В последние годы внимание аграрных исследований смещается с сугубо крестьяноведческих сюжетов на аграрно-экологические практики, что позволяет устранить зазор между макроэкономическими постулатами и микроэкономическими реалиями сельской жизни и снизить накал борьбы конкурирующих идеологий (либеральной, популистской, марксистской, постмодернистской и пр.), переводя изучение сельскохозяйственных практик из политико-экономической плоскости в сферу историографического теоретизирования и экономического моделирования. Для подтверждения этого тезиса в работе охарактеризованы общие тенденции развития ключевых аграрных теорий и идеологий современности, обозначены теоретико-методологические основания компаративистского аграрного анализа, и рассмотрен кейс бразильского социально-экономического бума, достигнутого благодаря сложному сочетанию локальных и региональных стратегий аграрного и сельского развития.

Abstract. In recent years, the focus of agrarian research has shifted from peasant studies to agrarian and environmental practices, which eliminates the gap between macroeconomic programs and microeconomic realities of rural life and reduces the intensity of the struggle of competing ideologies (liberal, populist, marxist, postmodern, etc.) by withdrawing the study of agricultural practices from political-economic domain into historiographical theorizing and economic modeling. To confirm this thesis, the preprint identifies general trends in the development of key modern agrarian theories and ideologies and theoretical-methodological foundations of the comparative agrarian analysis, and presents the case of the Brazilian social-economic boom as determined by a complex combination of local and regional agrarian and rural development strategies.

Никулин А.М. директор научно-исследовательского центра аграрных исследований ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2018 год.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
1 Аграрные теории и идеологии: прошлое и настоящее, теоретическое и практическое значение.....	5
2 Теоретико-идеологические основания и методологические принципы аграрных исследований в компаративистском ключе.....	16
3 Локальные и региональные стратегии сельского развития: Бразилия как кейс в разных компаративистских контекстах.....	27
4 Компаративистский анализ противоречий между абстракциями аграрно-теоретических/идеологических моделей и повседневных хозяйственных практик.....	38
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	46
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	48

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность работы объясняется тем, что «нет ничего более практичного, чем хорошая теория» – этот постулат социологии знания остается чрезвычайно важным для теории и практики сельского развития России и зарубежных стран, где уже многие десятилетия наблюдаются определенные разрывы между аграрно-теоретическими постулатами (отраженными в разных моделях аграрного реформирования и программах развития сельских территорий) и повседневными реалиями сельской жизни. Кроме того, подобные противоречия все более углубляются вследствие борьбы конкурирующих идеологий – либеральной, популистской, марксистской и постмодернистской – каждая из которых претендует на наиболее верное истолкование политических, экономических, социальных и экологических ориентиров сельского развития. Компаративистский анализ противоречий между абстракциями аграрно-теоретических (а также идеологических) моделей и повседневных хозяйственных практик различных институтов сельского развития будет способствовать выработке эффективной и реалистичной политики сельского развития в Российской Федерации с учетом зарубежного сельского опыта ведущих аграрных держав Евразии и Америки.

В целях систематизации понятийно-категориального аппарата аграрных теорий и идеологий с точки зрения возможностей, необходимости и эффективности их практического применения в прошлом, настоящем и в обозримой перспективе посредством сопоставления объективных макроэкономических показателей и эмпирических данных полевых социологических исследований институтов сельского развития планируется проанализировать базовые категории аграрных теорий с точки зрения логики их взаимодействия с ключевыми понятиями основных идеологий сельского развития в контексте компаративистской оценки функционирования социальных институтов разных стран. Для этого, в частности, теоретические понятия аграрной политэкономии – труд, земля, капитал, собственность, социальная стратификация, конфликты, аграрные реформы и кризисы, социальная экология, сельско-городской континуум, неформальная экономика, земельная аккумуляция, устойчивое развитие, продовольственная безопасность и рынок – будут рассмотрены с точки зрения их преломления в форматах либеральной, народнической и марксистской идеологий сельского развития.

1 Аграрные теории и идеологии: прошлое и настоящее, теоретическое и практическое значение

В последние годы дискуссии о судьбах аграрного/крестьянского вопроса утратили прежний полемический пыл и политический характер, сохранив противоречивые концептуализации аграрно-земледельческой проблематики в разных научных и публицистических дискурсах. Говорить о страновых приоритетах здесь бессмысленно, как и пытаться противопоставлять отечественную и зарубежную традиции, потому что они не однородны: в обеих присутствуют попытки обнаружить и/или описать нынешнего крестьянина и оценить его шансы на сохранение в современном мире (скажем, пессимистично их оценивают российские авторы, понимающие масштабы доминирования агрохолдингов и ориентацию государства на укрупнение сельскохозяйственных организаций, оптимистично – представители международного движения Виа Кампесина, пропагандирующие и поддерживающие низовую мобилизацию и кооперацию мелких производителей) и т.д.

Данный акцент может быть предельно очищен от социально-экономического содержания в целях фокусировки исключительно на биологи. Несомненно сегодня одно – смещение фокуса крестьяноведческого внимания в область, которую можно условно назвать «аграрно-экологические практики», чтобы устранить пробелы между громкими аграрно-теоретическими постулатами и тихими повседневными реалиями сельской жизни посредством анализа тесной взаимосвязи ее биологического и социально-культурного аспектов. Такой акцент в значительной степени лишает смысла напряженную борьбу конкурирующих идеологий (либеральной, популистской, марксистской, постмодернистской и пр.), потому что переводит разговор о сельскохозяйственных практиках из политико-экономической плоскости в сферу историографического теоретизирования и моделирования взаимосвязи разных форм социальных практик и мотиваций с объективными биологическими и хозяйственными факторами.

Яркий пример – книга Т. Хэнсона «Триумф семян: Как семена покорили растительный мир и повлияли на человеческую цивилизацию» [1], показывающая на огромном иллюстративном материале и с прекрасными юмористическими комментариями автора, как эволюционировали семенные и споровые растения и какую роль они сыграли в становлении нынешней цивилизации. Несмотря на то, что структурно книга выстроена согласно «социальным» функциям семян (питают, объединяют,

выживают, защищаются и путешествуют), а автор постарался свести к минимуму ботанические термины, все же содержание работы носит биологический характер, а автор столь увлечен семенами («это чудо, заслуживающее изучения, восхищения и изумления»), что использует социальную метафорику, чтобы подчеркнуть их почти разумную адаптивность. Хотя в названии книги упоминается человеческая цивилизация, социальные аспекты жизни семян отражены в редких иллюстративных примерах, а автор сосредоточен на описании тех свойств и возможностей семян, которые позволили им завоевать важное место в природе и стать основой нашего рациона. Эти свойства семян носят функциональный характер: они питают (содержат питательные вещества, семя – «детеныш растения в коробке вместе с завтраком»), объединяют (половое размножение позволило семенам перемешивать гены и размножаться все более изоцированными способами), выживают в самых сложных условиях (их можно хранить и обрабатывать), защищаются (иногда полезными для человека приспособлениями) и путешествуют (нашли бесчисленные способы распространения).

Менее «биологический» и основанный на внушительном массиве самых разных данных вариант человеческой истории как детерминированной агроэкологическими практиками предлагает И. Моррис в книге «Собиратели, земледельцы и ископаемое топливо. Как изменяются человеческие ценности». Согласно аннотации, суммирующей содержание, книга, «опираясь на данные археологии, антропологии, биологии и истории..., предлагает убедительное [однако с оговорками] объяснение эволюции человеческих ценностей, утверждая, что за принципиальными долгосрочными изменениями ценностей стоит наиболее фундаментальная из всех сил – энергия. Люди придумали три главных способа получать необходимую им энергию: собирательство, земледелие и получение ископаемого топлива. В крохотных отрядах собирателей лучше всего живется тем, кто ценит равенство, но готов решать конфликты путем насилия; в крупных земледельческих обществах в наиболее выгодном положении оказываются те, кто ценит иерархию и в меньшей степени склонен прибегать к насилию; наконец, в гигантских обществах потребителей ископаемого топлива маятник снова качнулся в сторону равенства, но еще больше удалился от насилия [даже беглый просмотр новостных лент за последнюю неделю заставляет сомневаться, что мы подошли к равенству столь же близко, сколь далеко ушли от насилия]» [2, с.4]. Аннотация раскрывает не только суть излагаемой в книге концептуальной схемы, но и ее основное ограничение – как любая другая схема столь же глобального характера, предложенная модель не может не быть

излишне упрощенной, особенно учитывая ее несколько идеалистический настрой в трактовке вектора истории как движения к равенству и ухода от насилия (ни в макромасштабах, ни на повседневном уровне нынешние социальные системы не могут похвастаться ни тем, ни другим). Моррис предлагает читателю «макроисторию человеческих ценностей», состоящую из трех последовательных этапов, на каждом из которых культуру определял наиболее продуктивный способ извлечения энергии, задающий и ограничивающий возможные формы социальной организации (численность и плотность населения) и социальные ценности: собирательство – эгалитарные структуры и высокий уровень насилия, земледелие – иерархичность и более низкий уровень насилия, добыча ископаемого топлива – эгалитарные в политическом и гендерном плане общества (очень спорное утверждение по нынешним временам), терпимые к имущественному неравенству и менее склонные к насилию, чем прежние социальные системы.

В целом это, видимо, функционалистский подход (хотя он явно тяготеет к материалистическому детерминизму), поскольку ценности здесь выступают как адаптивные признаки, изменяемые людьми по мере эволюции социальной системы (прежде всего, хозяйственных практик, над которыми надстраиваются остальные подсистемы), чтобы добиться их максимальной эффективности. Для российского читателя в книге Морриса неожиданным окажется множество примеров из российской истории. В частности, XX век предстает в работе как период сильнейшего раскола между странами, которые пошли по либеральному пути (Великобритания, США и др.) и по нелиберальному пути (Россия). Коммунистический и фашистский пути к «Индустрии» автор объединяет общим настроем насильственно очистить общество от тех, кто был не угоден властям, подчинить граждан суровой дисциплине, резко расширить масштабы государственной власти, а также тем, что нелиберальные пути к «Индустрии» нередко показывали более быстрый экономический рост, чем либеральные варианты, но в конечном итоге экономически выиграла именно последние. По мнению Морриса, причина переходов между тремя историческими эпохами – «культурная эволюция»: «либерализм и демократия распространились по всему миру, потому что его охватила промышленная революция, а именно либеральные, индивидуалистические ценности лучше всего подходят для “Индустрии”, и люди по всему миру освоили их в той или иной степени» [2, с.287], и он делает осторожный прогноз, что через столетие, при сохранении нынешних темпов социального развития (извлечения энергии в расчете на человека в день) и отсутствии цивилизационных крахов, Восток сможет нагнать и обогнать Запад, но речь

идет уже о «постлюдях с постценностями, отличающихся от нас и от наших ценностей так же сильно, как мы отличаемся от неандертальцев» [2, с.293].

Несмотря на два столь ярких примера, все же говорить об аграрных идеологиях следует в более общем формате, поскольку они неизбежно влияют на понимание роли государства в хозяйстве вообще и в аграрной политике в частности. Вопрос о роли государства в хозяйстве всегда был в значительной степени идеологизирован, в крайнем случае, государство (как, впрочем, и бизнес) вынуждено хотя бы прикрывать свои действия идеологическим покрывалом. В Советском Союзе таким покрывалом была марксистско-ленинская идеология, которая использовалась для разных и порой противоположных действий, например, для нэпа и коллективизации. В то же время было бы неверным считать идеологические обоснования просто ширмой, никак не влияющей на реальную политику.

Часто роль государства в экономической (и аграрной) политике сводится к обсуждению уровня государственного вмешательства в хозяйственные процессы. Соответственно, выделяются позиции, обосновывающие адекватность определенной степени такого вмешательства. Здесь мы воспользуемся классификацией Ф. Блока, который выделяет пять точек зрения на этот вопрос: государство общественных благ, государство макроэкономической стабилизации, государство социальных прав, государство развития, социалистическое государство. В государстве общественных благ вмешательство государства ограничивается лишь производством тех общественных благ, которые рынок не в состоянии произвести. Это наиболее либеральная модель, предполагающая минимальное участие государства в хозяйственной жизни. Общественные блага государство может производить само, давать субсидии частным предприятиям для их производства либо действовать по принципу частно-государственного партнерства. Сами общественные блага выступают элементами «окружающей среды» для извлекающего из нее прибыль частного бизнеса. Это инфраструктура, научные исследования, а также действия государства по сдерживанию негативных экстерналий (загрязнение окружающей среды, производство опасных для здоровья товаров и услуг, монополии и т.п.) и стимулированию позитивных экстерналий (образование, здравоохранение и т.п.). В Советском Союзе производством общественных благ на селе занимались коллективные предприятия (колхозы и совхозы), субсидируемые государством за эту деятельность: строили дороги, школы, больницы, дома культуры, устраивали праздники и фестивали, облагораживали поселки, проводили воду и т.п. В постсоветское время эти социальные обязанности передали муниципалитетам, но не предоставили им достаточных средств для выполнения этих функций. Налоги по большей части идут на региональный и

федеральный уровни, а потом оттуда перераспределяются на места, и далеко не факт, что сверху придет больше дотаций, чем было передано налогов. Тем не менее, определенные категории сельских бюджетников, например, учителя, уже не являются материально депривированным слоем, так как получают, наряду с пенсионерами, стабильную и относительно высокую (по сельским меркам) заработную плату. Таким образом, общественные блага в советской и постсоветской России производятся на селе принципиально разным образом.

Государство макроэкономической стабилизации не только производит общественные блага, но и сглаживает экономические циклы. Классическим примером является кейнсианство, хотя и до него государства активно регулировали экономическую активность за счет кредитования, регулирования валютных курсов, барьеров для вывоза золота и т.п. Примерами подобных действий российского государства в аграрной сфере можно назвать запрет на вывоз зерновых в годы неурожая или, напротив, политику по стимулированию экспорта сельхозпродукции, которая позволит избежать «перегрева» на внутреннем рынке сельхозпродукции.

Государство социальных прав выступает как защитник от стихийных рыночных сил, которые позволяют как обогатиться, так и пойти по миру (вплоть до голодной смерти, страх которой и является стимулом участвовать в экономической деятельности для наемных работников). Государство устанавливает минимальные стандарты жизни для проигравших в экономическом состязании граждан. Как правило, это незащищенные слои населения: дети, старики, беременные, больные, инвалиды и т.п., впрочем, государство оказывает поддержку и остальным гражданам, попавшим в жизненные неурядицы, например, в виде пособий по безработице. Иными словами, государство осуществляет перераспределение части средств от конкурентоспособных участников хозяйственной деятельности к неконкурентоспособным. Классическим примером выступает так называемый «скандинавский социализм». В какой-то степени логикой социальных прав руководствовалось постсоветское правительство России, когда осуществляло аграрную реформу по упразднению колхозно-совхозной системы, наделяя сельских жителей земельными и имущественными паями. Данная логика сочеталась с либеральными воззрениями о том, что в дальнейшем данные земельные и имущественные паи будут перераспределены в пользу наиболее эффективных собственников. Действительность оказалась сложнее, и земля с имуществом стали перераспределяться отнюдь не по принципу экономической эффективности, а с применением обмана, юридических махинаций, административного ресурса и даже силы. В целом же соци-

альные права сельских жителей не обладают какой-либо спецификой по сравнению с городскими жителями. Российское государство по конституции является социальным государством, с довольно тяжелым социальным бременем, однако с выполнять свои обязательства не всегда получается.

Государство развития – воплощение идеи девелопментализма. Государство здесь частично заменяет собой рыночное саморегулирование, не устраняя при этом базовые рыночные атрибуты: частную собственность и конкуренцию. Используя экономические рычаги (пошлины, налоги, кредиты, субсидии, инфраструктурные проекты и т.п.), государство направляет рыночную деятельность в нужную для государства сторону. Примером таких государств являются страны с догоняющим развитием (где индустриализация произошла позже): Япония, Южная Корея, а сейчас и Китай. В России примером могут служить национальные проекты 2006-2007 годов, одним из которых стал национальный проект «Развитие агропромышленного комплекса»: государство играло роль государства развития, определяя приоритетные направления национальной экономики, выделяя инвестиции для экономического рывка в выбранных областях и создавая экономические условия для привлечения туда частных инвестиций.

Социалистическое государство полностью подменяет собой рынок, заменяя рыночный механизм обмена административным распределением и планированием. Государство становится одной большой фабрикой. Россия имеет, наверное, самый богатый опыт построения экономики по такой модели (при этом мы не обсуждаем вопрос, была ли советская модель социалистической или же только пародией на нее). В любом случае тенденция к обобществлению производства вылилась в аграрной сфере в коллективизацию, отпечаток которой российская деревня несет до сих пор. Однако современное российское государство, возвращая собственность в ряде отраслей (нефтегазовый сектор, атомная отрасль, банки, госкорпорации и т.п.), не делает этого в сельском хозяйстве. Таким образом, в аграрной сфере со стороны государства не заметно ни действий в направлении социалистической модели, ни даже социалистической риторики.

Приведенная классификация становится возможной, если исходить из двух допущений. Во-первых, государство и хозяйство мыслятся как две разные сущности, работающие по двум несовместимым логикам. Во-вторых, во взаимоотношениях этих двух сущностей можно найти разные уровни проникновения государства в хозяйственную жизнь, т.е. баланс рыночного саморегулирования и государственного контроля. В нахождении этого ба-

ланса высока роль идеологических установок. На полюсах этого идеологического континуума лежат, с одной стороны, представление о государстве как о неэффективном паразите, извлекающем ресурсы из экономики для поддержания своего существования, с другой – представление о рынке как о механизме эксплуатации и порождения неравенства. Альтернативный подход принципиально отказывается обсуждать вопрос о том, сколько (много или мало) должно быть государства в хозяйственной жизни. Вместо этого утверждается, что государство всегда играет ключевую роль, вопрос состоит лишь в том, каково качество взаимодействия государственных и рыночных структур. Большинство современных государств делают примерно одно и то же, но делают по-разному – профиль взаимодействия государства и рынка по разным вопросам и составляет специфику той или иной хозяйственной системы.

Современные взаимоотношения государства и рынка в российском сельском хозяйстве создают среду, благоприятствующую крупному капиталу, но сохраняющую определенный уровень конкуренции, протекционизм на международном уровне и экспорто-ориентированную модель сельского хозяйства. Государство за счет кредитной политики благоприятствует крупному капиталу, когда подавляющая доля кредитов идет крупному агробизнесу. Также достаточно вяло пресекаются попытки концентрации земли и собственности (часто проводимой незаконными методами). В классическом споре между трудом и капиталом, верх одерживает капитал (не без помощи государства). В споре между мелким и крупным капиталом, побеждает крупный капитал. Однако государство вовсе не стремится к монополизации рынков. В последние годы, несмотря на усиление концентрации в сельском хозяйстве, интенсивнее прочих растут фермерские хозяйства, в том числе и в производстве экспортных культур (зерновые). Местный капитал при помощи государства успешно отстаивает свои позиции в противостоянии с иностранным капиталом: уровень проникновения зарубежного аграрного капитала в Россию относительно невысок. Продовольственное эмбарго и политика импортозамещения также усиливает позиции местных сельхозпроизводителей. Наконец, протекционистская политика государства дополняется созданием экспортного сельского хозяйства. Между тем, на уровне риторики государство сочетает протекционизм с либерализмом на внутренних рынках.

Как бы это ни показалось странным, современное российское государство довольно часто оперирует идеологемами и словарем неолиберализма (в частности, в вопросах аграрной политики). Конечно, так происходит не всегда. Например, в вопросе антироссийских

санкций и ответного продовольственного эмбарго государство и сельхозпроизводители сошлись на позициях протекционизма (для бизнеса эта политика всегда выгодна), но довольно часто государство, напротив, рассуждает с позиций конкуренции (особенно когда речь идет о ситуации внутри страны) или защиты частного бизнеса. Конечно, порой это остается лишь риторикой, однако если опираться на заявления государственных органов, то они контрастируют с образом автократии, так как насыщены либеральными терминами и аргументами. Однако у аграрного неолиберализма исторически сложились сильные конкуренты, которые не сдали позиции в связи с разрушением социалистического лагеря.

В современной аграрной науке широко распространена критика глобального капиталистического хозяйства слева, т.е. с позиций марксизма и народничества (популизма). Критикуемая неолиберальная модель глобального сельского хозяйства в своей чистой форме исходит из необходимости рациональной организации мирового производства продовольствия за счет глобального разделения труда и последующего глобального обмена произведенной продукцией. Этого можно добиться за счет свободных рынков факторов производства (капитала, земли и труда) и рынков сельскохозяйственной продукции. Рынки должны обеспечивать свободный перелив (в глобальном масштабе) факторов производства туда, где они могут принести больше прибыли, т.е. инвестиции (капитал) идет туда, где можно больше заработать, работники едут туда, где выше заработная плата, а земля отдается в руки тому, кто готов больше за нее заплатить. Применительно к сельскому хозяйству, это ведет к глобальной специализации, т.е. производится то, что приносит наибольший прибавочный продукт в данных природно-климатических условиях. Результатом становится тенденция к монокультурам. Необходимым элементом этой модели является система свободных рынков обмена произведенной продукцией. В итоге мы имеем наиболее эффективно используемую поверхность земного шара в плане производства сельскохозяйственной продукции (оптимальное соответствие выращиваемых культур и домашних животных природно-климатическим условиям, что дает наибольшую производительность) и последующий рыночный обмен этим максимально дешевым продовольствием через глобальную торговлю. В выигрыше оказываются все участники глобального разделения труда. В принципе, эта схема является универсальной, т.е. применима ко всем отраслям экономики, но специфическим для сельского хозяйства остается природный фактор, который направляет международную специализацию вплоть до полного отказа от сельскохозяйственного производства (так как продовольствие можно закупить на рынке у тех, где это продовольствие

производить дешевле, за счет средств, полученных от продажи того, что страна/регион производит лучше других). Одной из практик повышения благосостояния мелких сельхозпроизводителей в рамках неолиберальной модели является их встраивание в глобальные цепочки поставок. Эта схема широко отработана в США, где фермеры сотрудничают с перерабатывающими предприятиями. Когда ее переносят на развивающиеся страны, то используют термин «outgrower schemes».

Современные концепции, критикующие глобальную неолиберальную модель, нередко заимствуют элементы популизма и марксизма. Таково, например, экологическое движение и связанное с ним понятие агроэкстрактивизма (и захвата земель как его элемента), которое идет дальше тезиса об истощении природных ресурсов, включая сюда рабочую силу и общество в целом. Сюда же можно включить и понятие коммодификации (превращение в товар того, что товаром традиционно не было: произведенное продовольствие, труд, орудия труда, землю; короче все входящие и исходящие материально-трудовые потоки), что, по мнению критиков, разрушает природу и жизненный уклад сельских жителей. Критикуется и финансовализация (по сути – высшая стадия коммодификации) сельского хозяйства в результате включения его в глобальную финансовую систему, в результате чего весь процесс сельскохозяйственного производства переводится в сугубо финансовую, бухгалтерскую, терминологию. Более того, такое включение закрепляет (закабалает) сельскохозяйственного производителя кредитами и контрактами, в результате чего он оказывается всем должен и не может вырваться из этого порочного круга. Эта зависимость приводит к внешнему контролю его производства, когда ему диктуют, что, сколько и для кого производить (это является частным случаем противостояния промышленного и финансового капитала с нарастающим доминированием последнего, который посредством финансовых рычагов ставит под свой контроль производственные предприятия). Далее, при сугубо финансовой оценке деятельности зачастую краткосрочные цели превалируют над долгосрочными, что для сельского хозяйства может оказаться губительным. Свободный перелив капитала, критичный для неолиберальной модели, может оказаться несовместимым с сельским хозяйством. Здесь приводятся примеры «boom crops», т.е. культур, востребованных рынком. Краткосрочная выгода от производства таких культур ориентирует капитал на переход от традиционных культур на рыночно востребованные (как правило в развивающихся странах), что он и делает всеми правдами и неправдами. Однако потом, когда спрос спадает, монокультурное сельское хозяйство какой-либо территории уже не может вновь переориентироваться и впадает в кризис.

Глобальная неолиберальная модель сельского хозяйства критикуется и со стороны экологического направления. Причем, здесь критику можно разделить на три направления. Общим для всех направлений является тезис о невозможности дальнейшей жизни в рамках существующей экономической модели. Имманентной чертой капитализма является рост (если роста нет, то приходит кризис и страдание людей), а земной шар конечен. Следовательно, в какой-то момент капиталистическая система разрушит окружающий мир, выжав из него все соки. Для первого направления критики характерно утверждение о необходимости перехода от модели роста к модели гомеостазиса, характерного для экосистем в природе. Речь, конечно, не идет о жестокой природной саморегуляции (в духе Мальтуса), а о том, что нужно довольствоваться тем, что уже имеется. К тому же современный капиталистический рост не ведет к общему росту благосостояния. Хотя после второй мировой войны капитализм вроде бы шел по пути, от которого выигрывали все (хоть и в неравной степени), но исследования Т. Пикетти показали новый рост неравенства. Второе направление призывает к сдерживанию потребления и переходу к ответственному потреблению (например, отказ от экологически грязного продовольствия или продуктов, произведенных за счет эксплуатации населения развивающихся стран). Здесь на первый план выходит критика общества потребления. Третье направление призывает к разумному росту, опирающемуся на технологическую революцию: возобновляемые источники энергии; технологии, позволяющие резко повысить производительность при снижении затрат природных ресурсов; производство продовольствия с использованием замкнутых циклов; рациональное использование отходов сельского хозяйства и мусора и т.п. Это направление пытается нащупать компромисс между капитализмом и экологией, поэтому отказ от идеологии роста невозможен и нереалистичен (преодоление глобальной бедности невозможно без роста). Тем не менее, в России апелляция к неолиберальному языку довольно распространена как в среде бизнеса, так и в среде государственных служащих. Это довольно ярко проявилось при обсуждении налоговых вопросов в сфере зернового экспорта и появление «Хартии в сфере оборота сельскохозяйственной продукции».

Таким образом, в рамках старой парадигмы можно выделить разные роли российского государства в аграрной сфере. С одной стороны, государство дает обогащаться частному бизнесу, и прежде всего – крупному капиталу. С другой стороны, государство сохраняет за собой большой объем социальной нагрузки и перераспределительных функций. С третьей стороны, запускает национальный проект «развитие АПК», определяя приоритеты развития отрасли. Наконец, создает в стране экспортоориентированное сельское хозяйство.

Иными словами, государство в России (как, впрочем, и в любой другой стране) играет самые разные роли в хозяйстве в целом и в аграрной сфере, в частности. Поэтому анализировать государственную политику лучше не с точки зрения величины вмешательства государства в экономику, а с точки зрения институциональной архитектуры, которую создает взаимодействие государства и негосударственных экономических агентов. Тем не менее, в России это взаимодействие нередко происходит под зонтиком рыночной идеологии, где обе стороны (государство и бизнес) используют неолиберальную риторику для обоснования своей позиции. Характер такого взаимодействия можно проиллюстрировать на примере дискуссии о налогах между Федеральной налоговой службой и деловыми ассоциациями (прежде всего, ассоциацией экспортеров).

2 Теоретико-идеологические основания и методологические принципы аграрных исследований в компаративистском ключе

Зададимся вопросом о возможности и целесообразности проведения сравнительного анализа тех форм аграрной организации и аграрных отношений, которые сложились на сегодняшний день в странах БРИКС в результате исторической эволюции этих стран и вследствие состояния дел в современной мировой экономике. Ответ будет располагаться в диапазоне от совершенной невозможности и нецелесообразности до предельной важности и острой актуальности такого сравнения – в зависимости от идеологических и методологических убеждений отвечающего. В первом случае это интеллектуальная реакция на безраздельное господство в совсем недавнем прошлом теории прогресса, когда сравнительно-исторический подход воспринимался как нечто само собою разумеющееся. Общепринятым было представление о том, что разные страны и народы на своем историческом пути проходят приблизительно одни и те же этапы социально-экономического развития, чем и обусловлено подобие существовавших и существующих у этих стран и народов форм экономической организации. Во втором случае это здоровый консерватизм тех, кто продолжает оставаться в этом недавнем прошлом, предпочитая использовать теорию прогресса с ее четкостью оценок и логичностью выводов.

Между этими двумя крайними теоретическими позициями существует диалектическая взаимозависимость. Так, Т. Шанин, исследовавший в своей докторской диссертации ряд важных аспектов аграрных отношений в России в 1910-1925 годы [3], понял принципиальную несовместимость результатов своего исследования с постулатами теории прогресса, какие бы формы эта последняя ни принимала – от разнообразных вариаций на темы марксизма до всякого рода либерально-рыночных подходов к осмыслению исторической эволюции человечества. Он попытался показать это в статье «Идея прогресса» [4], размышляя о вредоносной сущности и этой идеологии, и основанной на ней политики, плавно перетекающей в современную эпоху в идеологию и политику «открытого общества» и глобализации. Он утверждал, что истории разных народов и стран движутся разными темпами в разных направлениях и на основе разных алгоритмов общественного устройства [5, с.110]. В такой постановке вопроса, безусловно, содержится вызов общепринятым догматам. Такие взгляды революционны – по крайней мере, в рамках цивилизации Запада и примкнувшей к ней России с ее вчерашним марксизмом-ленинизмом, который потом как-то в одночасье сменил либерализм западного образца. Диалектика здесь, кроме прочего, в том, что

это тот самый Шанин, который так много сделал в аграрной науке по выработке определения крестьянства – не мелких сельскохозяйственных производителей такой-то страны в такую-то историческую эпоху, но крестьянства как такового [5, с.82-83; 6, р.23-24]. И это определение существенно облегчает проведение сравнительного анализа по разным странам в области аграрной истории и аграрной социологии.

В своей монографии «Крестьяне» выдающийся американский исследователь аграрных отношений Э. Вульф делает широкие теоретические обобщения на основе скрупулезной аналитической работы сравнительно-исторического характера, используя при этом во многом сходное определение крестьянства [7, р.3-4, 10-11]. Он стремится уловить тенденции в функционировании и эволюции форм аграрной организации и аграрных отношений по многим странам разных регионов мира, включая и хорошо знакомую ему по полевым исследованиям Латинскую Америку, и тем самым создает базу для дальнейшего наращивания интеллектуальных усилий в этом направлении. Он предлагает взгляд на мировой исторический процесс как на развитие и смену способов производства продовольствия, на хронологическое и организационное разнообразие революционного перехода от того, что он обозначил как «палеотехнический экотип», к «неотехническому», в основе которого индустриальные технологии. Такой общий взгляд на проблематику мировой эволюции помогает, с одной стороны, избежать упрощения, вульгаризации формационного подхода к истории человечества, с другой стороны, учитывать те, безусловно, разумные вещи, которые содержит подход с теоретических позиций культурно-исторических цивилизаций. А главное, здесь явно содержится возможность примирить эти две вроде бы противоположные, чуть ли не антагонистические историософские схемы, обнаружить, что и они находятся между собой в диалектическом единстве.

В той же монографии «Крестьяне» Вульф показывает в общем и целом те предпосылки экономического, социального и идейно-культурного характера, которые, как показывает опыт новейшей истории многих стран аграрно-крестьянской цивилизации, с исторической необходимостью лежат в основе крестьянской революции. Позже в специальном исследовании «Крестьянские войны XX века» он проведет более детальный анализ того, без чего не могли бы состояться (что важно – приблизительно синхронно) крестьянские революции в таких странах, как Россия, Китай, Индия, Турция, Мексика [8]. И этот анализ поможет видному английскому историку-политологу Э. Хобсбауму достаточно четко сформулировать, что есть крестьянская революция как таковая [9]. Нетрудно заметить, что без сравнительно-исторического подхода такая задача оказывается в принципе неразрешимой;

и русским, китайским, индийским историкам остается смотреть свою национальную традицию в области историографии революции, чтобы описывать эти события национальной истории в каких-то обобщающих категориях. Разработку теории крестьянской революции, которая осуществляется при определенных обстоятельствах, складывающихся не только на внутривнутриполитической арене, но и в мировой политике и экономике, особо отметил Данилов: «Пример России и Китая показывает также, что революции эти могут осуществляться силами крестьянства, но не на благо крестьянства. Они направлены в конечном итоге на подавление крестьянства и преобразование его в новую социальную реальность» [7, р.109].

Возникает вопрос, к чему же сравнение как метод исследования имеет большее отношение – к идеологии или к методологии. В этой связи чрезвычайный интерес представляют материалы книги «"Особый путь": от идеологии к методу» [10]. Несмотря на то, что ряд научных статей, составивших содержание книги, посвящен отдельным частным вопросам истории России и Германии, характеризующим своеобразие их истории с позиций своего предмета, в целом речь идет о возможности максимально корректного сравнения исторических путей двух стран, двух культур. На первый взгляд, более несравнимыми странами, чем Россия и Германия, могут быть разве что Россия и Англия, Россия и США. Закончились те времена в эволюции обществоведения, когда в основе такого сравнения лежала теория прогресса, и основой для сравнения по умолчанию служил тот «факт», что во всех этих случаях имел место капитализм. Новое направление в советской историографии, отрицавшее наличие аграрного капитализма в российской истории, было весьма решительно разгромлено в начале 1960-х годов именно за покушение на эту святая святых научного коммунизма [11, с.375], так как подобного рода отрицание обесмысливало претензии советской науки и политики на создание в рамках СССР (шире – социалистического содружества) более прогрессивного общественного строя по сравнению с капитализмом Запада. Можно для ясности сказать так: идеология – это когда «особый путь» ГДР на страницах теоретических трудов серьезно предлагалось считать более успешным, нежели таковой ФРГ.

Удалось ли авторскому коллективу что-то существенно сдвинуть в этом плане? В какой-то мере, да. Приведем некоторые положения статьи специалиста по немецкой историографии Sonderweg (особого пути) Германии В.С. Дубиной «Особый путь теории Sonderweg в интерпретации национальной истории» [10, с.459-477]. Статья завершает сборник и стремится к краткому и четкому обобщению работ, составивших вторую его часть – в основном о Германии. Автору это удается, но многое из того, что там сформулировано,

явно применимо и к современной российской историографии, а это свидетельство, что даже сравнение между Россией и Германией возможно и целесообразно, не говоря уже о сравнении нашей страны со странами БРИКС. Просто цель и правила такого сравнения должны быть деидеологизированы. В этом случае они практически автоматически переходят в область методологии научного исследования. Дубина, в частности, указывает, что невозможно рассуждать об «особом пути» такой-то страны, если при этом не идеализировать некую «норму». «В истории же, строго говоря, нет никаких других путей, кроме особых, а потому каждое европейское государство – и тем более каждое неевропейское государство – претендует на свой собственный путь к модерну» [10, с.462].

Если сравнить мировоззрение огромной части жителей России, затем СССР и, наконец, современной России с той картиной мира, которую на протяжении более полувека рисовала нам теория прогресса в виде вульгарно-марксистской историографии (а теперь продолжает рисовать все еще по большому счету остающаяся «мейнстримом» либеральная идеология), мы увидим, что идеологии прогресса не могут сосуществовать с крестьянскими исследованиями. Вернее сказать, крестьянские исследования могут спокойно использовать тот громадный фактический материал, который опубликован исследователями аграрных отношений с теоретических позиций прогрессизма, в то время как материалы (а тем более, теоретические выводы) крестьяноведения убийственны для прогрессистско-глобалистской историографии и идеологии.

Дает ли нам предлагаемый угол зрения, т.е. идеология как способ отношения к переменам во внутренней политике стран и отношениях на международной арене, что-то существенное при рассмотрении вопроса о том, где у исследователей исторических особенностей своих стран, их «особых путей», заканчивается идеология и начинается метод? Мы полагаем, что такой взгляд на идеологию как явление в области гуманитарного знания помогает лучше понять, как минимум, две вещи. Во-первых, что при изучении социально-экономической проблематики стран рыночной цивилизации в современном или ретроспективном измерении (назовем ли мы это капитализмом или постмодерном) либерализм как идеология не противоречит научной методологии. Здесь суть общественного развития составляют именно эволюционные изменения, и то, что в историософии принято обозначать как «буржуазные революции» – большие социально-политические катаклизмы, связанные с укоренением частной собственности (в том числе и в аграрных отношениях) как основного принципа социально-экономической организации. Отметим, что такие революции историками описываются отнюдь не во всех странах данного типа и даже не в большинстве

их. Чаще всего этот основной принцип общественного бытия укореняется эволюционным путем, и так же капитализм приобретает такие свойства и черты, что со временем его в пору называть как-то иначе, может быть, даже и социализмом.

Во-вторых, это тот факт, что при исследовании проблематики стран аграрно-крестьянской, натурально-потребительской цивилизации либерализм не годится – ни как идеология, ни как метод, особенно если речь идет о методе сравнительно-историческом. Пролетариат как фабрично-заводские рабочие промышленных предприятий, находящихся в частной собственности их хозяев, нигде не выступил ни носителем новых передовых производственных отношений, ни революционной силой, способной самими решительными политическими действиями обеспечить переход к этим новым отношениям. Свой октябрьский путч 1917 года большевистским идеологам какое-то время и в голову не приходило трактовать как революцию. Они называли его переворотом и рассматривали в качестве реализованного ленинского предсказания о прорыве мировой капиталистической системы в «слабом звене». Ожидалась мировая революция, которая бы подтвердила такой взгляд на вещи. И Сталину в преддверии неизбежного мобилизационного рывка пришлось подправить ленинскую науку с позиций идеологии революционного марксизма. На излете нэповского периода в партийно-государственном руководстве страны складывалась та идеологическая догматика, которая позже «железной логикой» войдет в «Краткий курс истории ВКП (б)». Согласно одному из основополагающих догматов, осенью 1917 года в России произошла пролетарская социалистическая революция, по Марксу; она не стала частью соответствующей мировой революции, потому что творческий подход к марксизму как научной методологии («научной идеологии») позволяет «увидеть» возможность построения передового социалистического общественного строя первоначально в одной отдельно взятой стране. На протяжении целой исторической эпохи, советского периода отечественной истории, «Великая Октябрьская социалистическая революция» так и освещалась в исторических монографиях, так и преподавалась в школе и вузе.

Теперь в современной историографии благодаря усилиям ряда творческих коллективов мы можем говорить не о пролетарской социалистической (т.е. прогрессивной) революции 1917 года, но о крестьянской революции в России 1902-1922 годов. Методология крестьяноведения позволила поставить эту революцию в единый смысловой ряд с революционными событиями в Китае, Мексике, Индии, Турции. Если же говорить о консервативном характере крестьянской революции как таковой, то, наверное, есть смысл российский

опыт такой революции датировать 1902-1935 годами. Примерный устав сельскохозяйственной артели как манифест окончания консервативной революции и возвращение «на круги своя». Не даром советские колхозники со свойственным крестьянам остроумием расшифровывали ВКП(б) как «Второе крепостное право – большевистское».

Получается, что, с поправкой на методологию крестьяноведения, упомянутые три главных идеологии – консерватизм, либерализм и революционный радикализм – располагаются в истории человеческой мысли как бы по кругу. Консерватизм – реакция на перемены, либерализм – реакция на косность консерватизма, радикализм – реакция на вялость и мягкотелость либерализма и все возвращается (по крайней мере, в России и Китае) к революционному консерватизму, т.е. к необходимости осмысливать исторический феномен крестьянской революционности в эпоху модернизации с теоретических позиций крестьяноведения. Подчеркнем, что это касается не всех стран мира – не глобальной экономики и политики, а справедливо только в отношении тех стран, народов, политических наций, в истории которых имело место нечто подобное консервативной крестьянской революции. В процессе такой революции всегда наблюдается победа радикальной идеологии над либеральной. Поэтому торжество радикально-революционной идеологии в ходе крестьянской революции с одной стороны, отражает эту метафизическую крестьянскую революционность – войти в одно ухо волшебного коня и выйти из другого в совершенно другой реальности, оставаясь при этом самим собой. С другой стороны, это торжество знаменует полный отрыв идеологии от науки, от метода. Можно даже сказать, что в момент, когда идеология начинает позиционировать себя как научная (крайний вариант – «единственно научная», как это было в СССР в 1938-1988 годы), она вполне отрывается от метода, поскольку перестает видеть консерватизм крестьян (шире – населения, граждан) в таких странах, как Россия или Китай, сосредоточиваясь на их революционности. Отсюда многочисленные дебаты в советской и постсоветской историографии о сроках, в которые в стране осуществился процесс раскрестьянивания, хотя он не завершился вовсе.

На основании всего этого можно сделать вывод, что социально-экономическая компаративистика, основывающаяся на методологии исторического сравнения, может претендовать на статус эффективного аналитического подхода, но с оговорками. Во-первых, чрезвычайно важно сравнивать сравнимое. Например, с целью уточнения своих теоретических представлений о тех или иных параметрах агропромышленной организации в разных странах более эффективным представляется таких стран с глубокими историческими общинно-

крестьянскими традициями, как Россия, Китай, Индия, нежели поиск параллелей и соответствий в этом плане между нашей страной и, скажем, США. Во-вторых, может дать важные научные результаты и сравнение в этом плане организационных форм, структур и институтов в России и в США, но при условии отказа от методологии прогрессизма. Например, одним из главных аргументов в работе либеральной пропагандистской машины начала 1990-х годов было то утверждение, что американские фермеры, составляя порядка 3% населения США, кормят досыта всю страну, да еще и полмира, в то время как колхозники СССР (затем бывшего СССР) в количестве 35% не прокармливают остальные 65% сограждан. Хотя в специальной литературе было много написано о том, насколько некорректно такое сравнение и с какими поправками необходимо его проводить [12; 13], массовый потребитель пропагандистской продукции об этом, конечно, ничего не знал.

Таким образом, компаративитский анализ в русле крестьяноведческого подхода должен включать в себя следующие элементы. Во-первых, теоретико-методологический и сравнительно-исторический анализ, например, организационно-производственных форм в сельском хозяйстве России и, скажем, Китая, который неизбежно покажет, что традиционные общинные структуры, регламентирующие социально-экономическую повседневность большинства населения двух стран (в КНР сельское население остается большинством и по сей день) оказали (и, видимо, продолжают оказывать) значительное влияние на характер современных аграрных отношений [14]. К сожалению, общинные исследования пребывали под негласным табу в советской аграрной историографии и имеют не первостепенное значение в историографии современной, потому что неизбежно выводят на проблематику крестьянской, общинной революции первых десятилетий XX века, что разрушает либеральную идею «Великой Российской революции 1917 года». Во-вторых, если руководствоваться простым и понятным принципом сравнивать сравнимое, то сравнение перипетий в истории китайской и российской крестьянской общины представляется не просто корректным, но обязывающим выходить на сравнительный анализ Китайской и Русской революций XX века и на сопоставление аграрного устройства обеих стран. Парадокс состоит в том, что идеологи либерального толка станут убеждать в несравнимости этих вещей, чтобы подчеркнуть, насколько разными исторически были китайская и российская сельские общины.

Во-вторых, это сопоставление статистических данных по интересующим нас «кейсам». Например, согласно данным о сельскохозяйственном производстве и импорте-экспорте за последние 15 лет, сегодня традиционному мировому гегемону в производстве продуктов питания – США – бросают вызов растущие экономики стран БРИКС, прежде всего,

Бразилия и Россия – на стороне предложения – и Индия и Китай – на стороне спроса. Бразилия конкурирует с США в производстве сои и говядины, а Россия – в производстве пшеницы. Кроме того, Китай вовлечен с США в торговые войны, что также серьезно влияет на состояние и динамику мировых продовольственных рынков.

Однако позиции США на мировых сельскохозяйственных рынках по-прежнему устойчивы, и страна остается мировым сельскохозяйственным лидером: по площади обрабатываемых земель США находятся на одном уровне с Индией и превосходят Китай и Россию, хотя в США наметилась отрицательная динамика – площадь обрабатываемых земель сократилась за последние 15 лет на 20 миллионов гектар, тогда как за тот же период в России, Индии и Китае по данному показателю не происходило серьезных изменений. По производству зерновых первое место в мире занимает Китай, но США прочно обосновались на второй позиции. Все страны БРИКС, за исключением ЮАР, за последние 15 лет наращивали производство зерновых, как и США – страна увеличила его на 130 миллионов тонн. Для сравнения: в Китае рост составил 180 миллионов, в России – 50. Однако по экспорту ключевой зерновой культуры – пшеницы – США испытывают давление со стороны России, которая, несмотря на то, что по объемам производства уступает США в четыре раза, в силу меньших внутренних потребностей в пшенице направляет значительную ее часть на экспорт. По объемам экспорта пшеницы в последние годы Россия и США делят первую и вторую позиции мирового лидерства. Однако Россия и США нацелены на разные экспортные рынки с точки зрения географии (стран) и качества продукции (российская пшеница – из более низкой ценовой категории). Впрочем, столкновения здесь не исключены, и Россия уже потеснила американскую пшеницу из ряда стран Северной Африки. Китай, производя больше всех в мире зерновых, не является мировым экспортером, так как вся выращенная продукция потребляется на внутренних рынках. Более того, Китай закупает недостающие объемы за рубежом. Россия предпринимает попытки прорваться на китайские сельскохозяйственные рынки, в том числе зерновые, что создает еще одну точку напряженности между Россией и США в борьбе за покупателей пшеницы. Аналогичная ситуация наблюдается в производстве мяса, которое, наряду с пшеницей, исторически является ключевым для сельского хозяйства США.

В-третьих, это рассмотрение отдельных страновых «кейсов» как наиболее типичных или, наоборот, выбивающихся из общей социально-экономической картины, и ярким примером второго типа является локомотив нынешней общеевропейской экономики – Германия. Например, здесь нет четкого общенационального определения сельских территорий –

каждая из Земель может иметь свою систему классификации сельских и городских территорий. Федеральное агентство по строительству и региональному планированию использует несколько классификаций в зависимости от целей. Одна из наиболее общих классификаций включает три группы регионов – агломерации, урбанизированные территории и сельские территории – по плотности населения и типах районов. Соответственно, согласно классификации ОЭСР в Германии к преимущественно сельским регионам относятся 29% территории страны, 12% населения и 9% ВВП, однако, основываясь на национальной классификации, значения увеличиваются практически в два раза: 59% сельских территорий, 27% населения и 21% ВВП. Национальная статистическая система Германии выделяет четыре уровня территорий – от федерального до районного. Примерно половина сельских территорий располагается вблизи урбанизированных зон, тогда как вторая половина относится к периферийным районам с различной плотностью населения.

В структуре экономики Германии и в структуре сельской экономики сельское хозяйство играет незначительную роль и она продолжает уменьшаться. Многие мелкие фермы работают на основе неполного рабочего дня. Наличие малых ферм и сельского предпринимательства лучше развито в Западной Германии. В Восточной Германии из-за слабого развития малых форм хозяйствования во многих сельских поселениях отсутствует основа для экономического развития. Диверсификация деятельности фермерских хозяйств является одним из приоритетов развития как в программах сельского развития Земель Германии, так и в программах Европейского Союза, и она направлена на укрепление экономической основы сельских поселений. Происходит это за счет увеличения добавленной стоимости производства, например, через органическое земледелие. Фермерский туризм и маркетинг собственной продукции – направления, которые немецкие фермеры активно используют для улучшения экономической ситуации.

Так как Германия является членом Европейского Союза, на нее распространяются европейское законодательство во всех сферах жизнедеятельности, в том числе и политике сельского и сельскохозяйственного развития. На территории Европейского Союза развитие сельских территорий является вторым компонентом общей сельскохозяйственной политики (ОСП), в рамках которого государствам-членам предоставляется пакет совместного финансирования для управления на национальном или региональном уровнях в рамках многолетних программ. ОСП для ЕС была создана в 1963 году и послужила основой для европейских продовольственных и сельскохозяйственных программ. ОСП основывается на

двух столпах: первый столп – прямые выплаты фермерам. Чтобы не было перепроизводства, прямые выплаты по схеме основных платежей основаны на количестве земли, которой владеет фермер, а не на количестве произведенной продукции. Эти деньги поступают непосредственно от ЕС и управляются национальными правительствами. Чтобы получить право на выплаты, фермеры должны соответствовать определенным стандартам по экологическому менеджменту, стандартам благосостояния животных. Ранее существовали выплаты на произведенную продукцию, что приводило к перепроизводству. Выплаты на гектар земли тоже не являются идеальными. Это приводит к тому, что фермеры весной сажают сельскохозяйственную продукцию, чтобы получить субсидии, но осенью урожай не собирают. Субсидии уже получены, и не надо думать о реализации.

Второе направление – сельское развитие и финансирование в его рамках требует софинансирования со правительств государств-членов ЕС. Основными задачами являются повышение конкурентоспособности сельского хозяйства, обеспечение устойчивого управления природными ресурсами, борьба с изменением климата, достижение сбалансированного территориального развития сельских территорий, включая поддержание занятости.

Сельское хозяйство и сельские территории сталкиваются с вызовами, которые часто являются внешними по отношению к ним. Это факторы экономические (в том числе продовольственная безопасность и глобализация, снижение темпов роста производительности, неустойчивость цен, давление на издержки производства из-за высоких входных цен и ухудшение положения фермеров в цепочке поставок продовольствия), экологические (связанные с эффективностью использования ресурсов, а также качество почвы и воды и угрозы для местообитания и биоразнообразия) и территориальные (сельские районы сталкиваются с демографическими, экономическими и социальными проблемами в развитии, включая депопуляцию и перевод предприятий в города). Поскольку роль ОСП заключается в обеспечении политической основы, которая поддерживает и поощряет производителей к решению экономических проблем, проблем окружающей среды и территориальных проблем, оставаясь при этом согласованной с другими программами ЕС, ОСП включает в себя три долгосрочные цели: производство продуктов питания, устойчивое управление природными ресурсами и климатом, сбалансированное территориальное развитие. Данные цели должны повысить конкурентоспособность, устойчивость и эффективность сельских территорий.

Меры по содействию развития сотрудничества сельхозпроизводителей в рамках обоих столпов ОСП должны повысить конкурентоспособность сельского хозяйства за счет

сокращения затрат, улучшения доступа к кредитам и повышения стоимости продукции основного сектора. Поддерживается создание коротких цепей в рамках поставок и другого сотрудничества. Ожидается, что эти инструменты будут стимулировать сотрудничество производителей и улучшат функционирование пищевой цепи – от поля до стола. Другие инструменты в рамках сельского развития, которые повышают конкурентоспособность на уровне фермерских хозяйств, включают в себя меры по реструктуризации и модернизации, а также начальную помощь молодым фермерам. Кроме того, особое внимание уделяется устранению разрыва между наукой и практикой через консультативную систему для фермеров, а также программ обучения и инноваций. Эти инструменты призваны помочь сельскохозяйственному сектору адаптироваться к новым тенденциям и технологиям, становясь более ресурсо-, экономически и адаптивно эффективным.

Финансирование ЕС поступает в государства-члены через Европейский сельскохозяйственный фонд развития сельских территорий. В текущем периоде (2014-2020) финансирование Германии составляет примерно 9,45 млрд. евро. Использование данных средств будет проводиться через 13 региональных программ, за исключением 5 млн. евро, которые зарезервированы для национальной программы взаимодействия сельских акторов.

3 Локальные и региональные стратегии сельского развития: Бразилия как кейс в разных компаративистских контекстах

Начинать разговор об аграрном развитии Бразилии следует с концепции продовольственных режимов, которая была разработана как исторический вариант метода «включенного сравнения». Несмотря на то, что данный подход предлагает удобные сравнительно-исторические инструменты для анализа глобальных тенденций, аграрное развитие Бразилии и России ставит под сомнение ряд положений концепции продовольственных режимов. Так, вхождение двух стран в современные глобальные рынки показывает различие в их позициях по отношению к складывающемуся продовольственному режиму, которые ярко проявляются, например, в выращивании и экспорте сои (Бразилия) и пшеницы (Россия). Хотя эти культуры не репрезентируют сельское хозяйство Бразилии и России, они позволяют сопоставить некоторые из важнейших стратегий обеих стран, разработанных не только для международной торговли, но и для внутренних рынков.

В данном анализе следует учитывать несколько обстоятельств: во-первых, особенности сельскохозяйственного развития Бразилии и России и их попытки встроиться в глобальные продовольственные рынки; во-вторых, периодизацию сельского развития обеих стран в их недавней истории. В России это радикальные рыночные реформы после распада Советского Союза, а в Бразилии – процессы демократизации в конце 1980-х годов и, как и в постсоветской России, консолидация нелиберальной политики в 1990-е годы. Позже обе страны осуществили разворот в сторону «неодевелопменталистского государства», в котором сохраняется экспортно-ориентированная политика в отношении агробизнеса, но одновременно проводится политика продовольственной безопасности и суверенитета. В итоге, несмотря на то, что Россия и Бразилия порой шли разными траекториями сельского развития, в последние десятилетия у них наметились важные сходства, в частности, государственное стимулирование экспортно-ориентированного экономического роста за счет поддержки крупных местных и зарубежных корпораций. Тем не менее, подобные сходства не дают оснований утверждать наличие единого нелиберального продовольственного режима – скорее можно говорить о парадигматическом кризисе, когда сосуществуют два и более продовольственных режимов.

С конца XIX века сельское хозяйство России и Бразилии претерпело значительные преобразования, обусловленные попытками государства использовать сельское хозяйство в качестве ресурсной базы для экономического роста, основанного на индустриализации,

урбанизации и модернизации. Это серьезным образом повлияло на крестьянские практики, организацию крестьянских сообществ и сельский ландшафт. С течением времени исторические пути двух стран разошлись: Россия пережила семьдесят лет «советской модели», в рамках которой дважды произошла радикальная реорганизация сельской местности – сначала в процессе коллективизации (конец 1920-х – первая половина 1930-х годов), а затем и деколлективизации (1992-1995); Бразилия, напротив, никогда не проводила столь масштабных аграрных реформ. В Бразилии подобный проект был заблокирован военным переворотом, который с 1964 по 1984 годы запустил насильственную сельскохозяйственную модернизацию, чтобы воспроизвести американскую модель аграрного капитализма.

После распада Советского Союза российское сельское хозяйство прошло через радикальные рыночные реформы 1992-1995 годов, которые включали в себя приватизацию земли и имущества колхозов и совхозов. Большинство коллективных и государственных сельскохозяйственных предприятий были трансформированы в частные предприятия разных организационных форм, таких как производственные кооперативы, общества с ограниченной ответственностью и акционерные общества. Однако в начале постсоветского периода переход колхозов и совхозов в новые организационные формы нередко носил просто смену вывески при сохранении ключевых игроков и способа хозяйствования. Однако шоковые рыночные реформы привели к резкому падению сельскохозяйственного производства, и главными жертвами перемен оказались крупные сельхозпредприятия. Последствия реформ были столь тяжелыми, что до сих пор сельскохозяйственный сектор по ряду показателей не может выйти на советский уровень. Кроме того, реформы разрушили социальное обеспечение, которое предоставлялось советским правительством: неожиданно люди оказались в новой реальности, в которой им приходилось всеми силами поддерживать свой уровень жизни, в том числе обеспечивать себя продовольствием. Поэтому в отличие от падения сельскохозяйственного производства на крупных предприятиях, домохозяйства нарастили производство продуктов питания за счет интенсификации труда. Это было вызвано не только и не столько стремлением сохранить традиционный рацион, сколько стало вынужденной мерой вследствие экономического и социального кризиса, который последовал за установлением в России капиталистической модели экономики.

В 1990-е годы деколлективизация сельского хозяйства привела к созданию третьего вида сельхозпроизводителей – крестьянско-фермерских хозяйств, которые дополнили советскую бимодальную аграрную структуру (коллективные предприятия и личные подсоб-

ные хозяйства). Одной из главных целей либеральных аграрных реформ как раз и было создание большой группы фермерских хозяйств. Хотя в первое десятилетие результаты реформы были очень скромными, так как фермеры были практически незаметны в нарождающейся структуре постсоветского сельского хозяйства, в последние годы данная группа усилила свои позиции, так что сейчас на нее приходится около 15% сельскохозяйственного ВВП и существуют все возможности для дальнейшего роста фермерских хозяйств [15]. Кроме того, в отличие от личных подсобных хозяйств, фермеры занимают те же ниши, что и корпоративные сельхозпроизводители, в том числе в производстве пшеницы.

Как и в России, в Бразилии вторая половина 1980-х годов ознаменовалась резкой сменой курса государственной политики. Демократизация политической жизни позволила социальным движениям, политическим партиям и интеллектуалам выработать политические практики нового поколения, но финансовый кризис, дополненный отсутствием необходимых институциональных структур, привел к необходимости новых моделей управления. После двух десятилетий диктатуры было трудно найти реалистичные альтернативы национального развития. Преодоление кризиса требовало двух отсутствовавших вещей: денег и институтов, чтобы запустить новый цикл экономического роста. Новое (сменившее диктатуру) правительство безуспешно пыталось решить эту проблему, нередко лишь усугубляя положение. Например, инфляция подскочила с 224% в 1985 году до 1232% в 1989 году и до 4116% в 1990 году, причем занятость и прямые иностранные инвестиции резко сократились. Одновременно институциональная нестабильность усугублялась жаркими политическими дебатами по поводу новой конституции.

Принятая в 1988 году, через три года после правления военной хунты, новая конституция предполагала политическую децентрализацию, расширение полномочий и автономии провинций и муниципалитетов, признание прав и расширение социальных гарантий работников, ужесточение барьеров для проникновения иностранного капитала и расширение возможностей для государственных корпораций. Обострение кризиса и реакция консервативных элит препятствовали претворению в жизнь положений конституции и способствовали повороту в сторону неолиберального курса. В 1989 году его представитель Фернандо Коллор де Мелло победил Лулу да Силву на президентских выборах и при поддержке Мирового Банка и МВФ начал реформы в духе Вашингтонского консенсуса: приватизацию и упразднение компаний и государственных служб, создание институциональных условий для привлечения международного капитала, восстановления платежного баланса, что предполагало торговую либерализацию, дерегуляцию и рост процентных ставок [16].

Эти реформы были усилены в последующие годы, однако экономической и политической стабильности не удавалось добиться вплоть до середины 1990-х годов, когда программа Real Plan обеспечила победу на президентских выборах министру Фернандо Энрике Кардозо. Ставя во главу угла валютную стабилизацию и рыночную либерализацию, Real Plan предполагал поддержку национальной валюты (реала) для обуздания инфляции, уменьшение таможенных пошлин и барьеров для прямых иностранных инвестиций и программу приватизации для уменьшения государственного долга. Положительным результатом стало снижение инфляции, однако это был лишь относительный контроль – цены оставались нестабильными, причем этих результатов удалось добиться за счет повышения базовой процентной ставки, что вело к экономической стагнации и безработице.

Торговая либерализация также поставила под угрозу местную промышленность и сельское хозяйство, которым приходилось конкурировать с более дешевыми импортными товарами. Результатом стал кризис в торговом балансе, который в 1995 году стал отрицательным и лишь ухудшался в последующие годы. Сельскохозяйственный сектор сталкивался с проблемами экспорта из-за искусственного поддержания курса национальной валюты и усиления конкуренции с импортной продукцией на внутреннем рынке, главным образом, из стран Меркосур (молоко, пшеница, мясо, вино и т.п.). Под давлением со стороны аграрных элит правительство было вынуждено осуществлять секторальную компенсацию экономических потерь экспортеров. Одна из наиболее противоречивых мер, существующая по сей день, – налоговая льгота для экспортных товаров (так называемый «закон Кандира»), таких как полезные ископаемые, нефть и соя.

Несмотря на то, что производство сои выросло за переходный период от военного к неолиберальному правительству, никто не мог предвидеть соевого бума, который случился в последующие годы. С 1985 по 1995 годы посевы сои выросли лишь с 9,44 до 9,48 миллионов гектар, хотя производство увеличилось с 16,7 до 21,6 миллионов тонн. Тем не менее, если посмотреть, что происходило с другими культурами, такими как хлопок, кукуруза, бобовые и рис, то большинство из них потеряли либо посевные площади, либо объем производства, либо и то и другое. Единственным исключением стал сахарный тростник, посевные площади и производство которого оставались относительно стабильными. Настоящая экспансия сои началась в 2000-е годы, но она была обусловлена политическими решениями конца 1990-х годов, когда начала меняться экономическая стратегия развития страны.

Азиатский экономический кризис 1997 года и годом позже дефолт в России спровоцировали резкое падение цен на основные экспортные товары Бразилии и уменьшение прямых иностранных инвестиций и притока долларов в страну. Если добавить к этому искусственное поддержание национальной валюты, то все это в сумме привело к нестабильной экономической ситуации, и в 1999 году валютный кризис вынудил правительство резко девальвировать бразильский реал. Политика изменилась в сторону поддержки экспортно-ориентированной экономики, где агробизнес играл важную роль в поддержании положительного платежного баланса. Экспорт сырья начал расти, что исправило торговый баланс с дефицита в 11,6 миллиардов долларов США в 1995 году до профицита в 7,2 миллиарда долларов США в 2002 году. Этого было недостаточно для преодоления экономического кризиса, но коммерческий успех позволил агробизнесу создать имидж наиболее динамично развивающегося сектора бразильской экономики и, тем самым, обеспечить сохранение власти в руках действующей политической коалиции, отражая нарастающую критику в адрес неолиберального экономического курса.

С другой стороны, государство столкнулось с возрастающим уровнем насилия на селе, вызванным концентрацией землевладения, с нарастанием социальных проблем в сельских регионах (безработица и миграция), а также с политическим усилением социальных движений и союзов. Реагируя на эти вызовы, в 1995 году правительство разработало первую общенациональную программу кредитования для фермерских хозяйств (PRONAF), поскольку данный сектор играет важную роль в поддержании цен на продовольствие на внутреннем рынке, дает рабочие места на селе и снижает остроту социальных конфликтов. Таким образом, одновременно с тем, как экспортно-ориентированный агробизнес устанавливал свою экономическую и политическую гегемонию, крестьянско-фермерские хозяйства образовали новую влиятельную коалицию, которая противостояла политическому нарративу торговых союзов крупных агропредприятий о том, что предназначение сельского хозяйства – экспорт сельскохозяйственного сырья (первичной продукции). Дуализм бразильской аграрной политики был институционализирован в 1999 году, когда правительство создало министерство аграрного развития, в зону ответственности которого вошла фермерская политика: министерство действовало параллельно (а иногда вопреки) министерству сельского хозяйства, животноводства и снабжения, которое исходило из интересов экспортно-ориентированного сектора сельского хозяйства.

В 1990-е годы наиболее привлекательные сельскохозяйственные угодья юга России стали объектом захвата бывшей колхозно-совхозной элиты (председатели, директора, высшее управленческое звено). Однако, начиная с 2000-х годов, глобальная гонка за дешевой сельскохозяйственной землей достигла и России – сначала южные плодородные земли, а затем и другие регионы страны. В этот период инвестиции в сельское хозяйство стал делать национальный несельскохозяйственный капитал (нефтегазовый сектор, металлургия и т.п.), а также иностранный капитал [17]. В период президентства Путина в России стало складываться экспортно-ориентированное сельское хозяйство, в котором зерновые культуры заняли главенствующие позиции, а пшеница вновь стала «королевой». Соответственно, изменилась и экспортно-импортная политика: если поздний Советский Союз завозил зерно для нужд животноводства и практически не экспортировал зерновые, то в 1990-е годы постсоветская Россия начала импортировать продукцию животноводства, так как собственное животноводство было разрушено в ходе рыночных реформ, а в путинскую пору производство зерна заметно выросло, и страна перешла к комбинированию зернового экспорта и мясомолочного импорта. В то же время государственная программа (национальный проект) «Развитие агропромышленного комплекса» (2006-2007) привела к оживлению животноводства и заметному падению импорта мяса с 2006 года.

Государственное вмешательство продолжилось в виде последующих госпрограмм для сельского хозяйства, в которых важное место занимал вопрос импортозамещения. Данные меры привели к быстрому росту производства мяса птицы и свинины в крупных агропредприятиях, тогда как скотоводство все еще оставалось проблемной областью. Восстановление животноводства, однако, не замедлило рост зернового экспорта, поэтому сложилась новая экспортно-импортная структура российского сельского хозяйства – рост зернового экспорта при уменьшении импорта сельхозпродукции. Такая структура сельского хозяйства имеет очевидные политические основания: еще в 2010 году российское правительство приняло национальную Доктрину продовольственной безопасности, в которой продовольственная безопасность понималась как продовольственная независимость или суверенитет/самообеспечение, т.е. главное внимание уделялось не столько качеству и доступности еды, сколько обеспечению условий для уменьшения зависимости от импорта основных продуктов питания. Наиболее впечатляющие результаты данной государственной политики наблюдаются в производстве пшеницы. Если посевная площадь под пшеницей выросла с 26,6 миллиона гектар в 2010 году до 27,9 миллиона гектар в 2017 году, то за этот же

период объем производства пшеницы подскочил с 41,5 до 85,8 тысяч метрических тонн, что составляет почти 70% всего производства зерновых в России.

С 2003 по 2016 годы в Бразилии наблюдался поворот от неолиберальной модели к новой политической конфигурации, в рамках которой государство взяло на себя ведущую роль в поддержании экономического роста. Это «неодевелопменталистское государство» (или «социально-девелопменталистское государство») в силу его политики по преодолению бедности и голода) пыталось примирить традиционную макроэкономическую политику, сохранив монетарные инструменты неолиберальных правительств, и девелопменталистскую стратегию стимулирования частных инвестиций и потребления. В политической сфере управление государством осуществлялось коалиций – правительство сформировано из участников с разными интересами, что требует постоянного поиска компромиссов для обеспечения необходимой рынкам институциональной стабильности. Такая система – одна из причин, почему бразильское государство исторически поражено коррупцией, так как ему необходимо постоянно договариваться с союзниками для обеспечения управляемости.

В сфере сельского развития правительство шло на противоречивые компромиссы, например, пыталось примирить инвестиции в производство и экспорт сельскохозяйственного сырья, увеличивая концентрацию капитала, с политикой по борьбе с бедностью и социальной неустойчивостью в сельской местности, которые порождались концентрацией капитала. Такая модель девелопментализма породила «компенсационное государство», в котором доходы от экспорта природных ресурсов и зерновых используются для социальных программ по преодолению проблем, порожденных этой моделью накопления капитала. Другой пример – проблемы окружающей среды: с одной стороны, в годы правления Лулы да Силвы и Дилмы Руссефф государство вело успешную политику по борьбе с обезлесиванием в Амазонии; с другой стороны, стимулировало бум производства зерновых, усиливая негативное воздействие на почву и другие природные ресурсы.

За последние два десятилетия соя стала важнейшей экспортной культурой Бразилии, на которую приходится около 20% экспорта в ценовом выражении или половина сельскохозяйственного экспорта [18]. Несмотря на периоды спада или стагнации, которые отражают неурожаи, общая траектория роста производства сои впечатляет, особенно если сравнить экспорт сои с экспортом других культур – нет ни одного продукта с похожими показателями роста экспорта. В 2017 году Бразилия еще не была мировым лидером в производстве сои (114 тысяч метрических тонн или 31% против 33% у США), но уже стала крупнейшим мировым экспортером сои (68 тысяч метрических тонн или 42,5% против 39% у США).

Главной причиной стал китайский спрос: в 2015 году на долю Китая пришлось 57% всего бразильского экспорта в стоимостном выражении (16 миллиардов бразильских реалов), тогда как в 1997 году эта доля составляла лишь 11% (0,61 миллиарда).

Китайско-бразильский соево-мясной комплекс – одно из ярчайших проявлений нового глобального продовольственного режима [19], но он также ставит под сомнение идею «неолиберального продовольственного режима». Отсылка к дерегулированию зачастую скрывает противоречивые действия государства, в которых дерегулирование одних сфер сосуществует с общим контролем экономики: в производстве сои в Бразилии следует принимать во внимание налоговые льготы, предоставленные этому сектору государством, кредиты, механизацию и страхование. Другой пример противоречивых действий неоллибералистского государства – его попытки преодолеть дуализм агробизнеса и фермерских хозяйств: правительства Лулы да Силвы и Дилмы Руссефф подчеркивали важность семейных фермерских хозяйств в сельском развитии и одновременно поддерживали экспортно-ориентированную модель сельского хозяйства. В последние годы сосуществование разных политических ориентаций в государственной политике сельского развития привело к обострению конфликтов и созданию гибридных конфигураций: сначала экспансия крупных предприятий и корпораций на земли фермеров и традиционных сообществ привело к конфликтам, которые государство не смогло разрешить, потом конфликты усилились внутри разных коалиций. С одной стороны, ряд крупных сельхозпредприятий поняли, что, несмотря на свою капитализацию, они не смогут конкурировать с транснациональными корпорациями и финансовыми фондами, которые проявляли все больший интерес к контролю земли и производства на фоне бума мировых сельскохозяйственных цен в 2000-е годы. С другой стороны, сильная социальная дифференциация затронула и фермеров: на юге Бразилии значительная их доля оказалась вовлечена в мировые рынки сельскохозяйственной продукции, некоторые вложили свои ресурсы в производство сои и кукурузы, высокие цены на которые компенсировали небольшие масштабы производства; другие вложились в свиноводство и птицеводство, превращая свои хозяйства в основных поставщиков мяса на внутренние и международные рынки; но большинство оказались за бортом процесса модернизации и поддерживающей его государственной политики.

В новом столетии Бразилия сохранила курс на экспортно-ориентированное сельское развитие, но создала экономику, в которой государству отводилась центральная роль в регулировании агробизнеса. Данный курс не отличался радикально от того, что был десяти-

летием раньше, хотя либеральный нарратив был частично заменен неоразвивоменталистским с 2003 по 2016 годы. За последние три десятилетия все правительства в Бразилии – от наиболее либеральных до наиболее развивоменталистских – делали шаги в сторону дальнейшей «регрессивной специализации» экономики страны, т.е. все возрастающей зависимости от производства и экспорта сельскохозяйственной продукции. Однако, подтверждая противоречивость бразильского неоразвивоменталистского государства, эти же правительства позволили консолидироваться фермерским хозяйствам, способствовали стабилизации внутреннего рынка и разработали множество программ продовольственной безопасности, которые сделали Бразилию мировым образцом в этом вопросе.

Россия в это же время взяла курс на специфическую модель сельскохозяйственной модернизации, сочетающую экспорто-ориентированный зерновой сектор и ориентацию на протекционизм и продовольственную независимость. Российское неоразвивоменталистское государство создало благоприятные условия для экспансии частных корпораций, которые вывели страну в число крупных игроков на мировых рынках продовольствия. В отличие от Бразилии, где с 1990-х годов финансовый транснациональный капитал играл важную роль в сельском хозяйстве, основным локомотивом постсоветского аграрного развития в России оставались местный капитал и олигархия. Государство поддержало этот путь развития национальным проектом «Развитие АПК» (2006-2007), предоставив производству и экспорту кредиты и субсидии и укрепив, тем самым, позиции крупных сельхозпредприятий как основных акторов сельскохозяйственного роста, а также закрепило экспортно-ориентированную стратегию, в которой пшеница занимает ключевое место.

Обе страны стали главными конкурентами США на мировых продовольственных рынках: Бразилия с соей, а Россия с пшеницей. Однако если бразильская соя конкурирует с американской на одних и тех же рынках, главным образом удовлетворяя потребности Китая, который в 2017 году закупил 57% бразильского и 60% американского экспорта сои, Россия и США все еще работают на разных рынках пшеницы – Россия экспортирует пшеницу в основном на Ближний Восток и в Северную Африку, а США – на Дальний Восток, в Юго-Восточную Азию (Япония, Южная Корея, Филиппины, Индонезия и Таиланд) и в страны Северной и Центральной Америки (Мексика и Гватемала). Однако еще лет десять назад американская пшеница активно поставлялась в Северную Африку, а потом ее вытеснила оттуда российская пшеница, выиграв ценовую конкуренцию. Растущая конкуренция со стороны России – одна из угроз для американских фермеров, которые переживают самую большую волну банкротств с 1980-х годов. То же самое можно сказать и о Бразилии не

только в производстве сои, но на других сельскохозяйственных рынках, например, мяса. Все эти перемены говорят о формировании новой агропродовольственной мировой системы и ставят под сомнение центральную роль США в мировом сельском хозяйстве.

На первый взгляд, политика аграрного развития в разных странах по своей направленности, динамике, взаимодействию с другими политическими направлениями содержит мало общего. При ближайшем рассмотрении общее обнаруживается, и его можно обозначить как позитивное воздействие на внешний по отношению к селу мир внутри единого национального пространства. Это воздействие когда-то прочно ассоциировалось с деревней, но теперь подвергается действию многих разрушительных факторов. Здесь и ландшафт с его биологическим разнообразием, и экологическая чистота (что особенно важно для природных ресурсов), и защита животных, и рост качества продовольствия и вообще качества жизни в сельской местности. Так, в Бразилии в центре политики аграрного развития находится борьба против нищеты и неравенства – аналогичные проблемы имеют место и в КНР, и в странах ЕС. То обстоятельство, что в Бразилии данная проблематика оказалась главной в политике аграрного развития, отражает длительное участие общественных движений в политическом процессе и в формировании политического курса, а также свидетельствует, что главные сельскохозяйственные и продовольственные рынки (соя, мясо, биоэнергетика) не только не способствуют снижению нищеты и неравенства, но лишь усугубляют их.

Другая общая черта аграрного развития многих стран – новые «встроенные» рынки. Во-первых, они вмонтированы в сложившиеся институциональные структуры экономической и управленческой деятельности, т.е. это не подпольные рынки, а рынки, оправдывающие свою особость специфическим видом продукции, особым качеством или как-то иначе. Во-вторых, они чаще всего имеют непосредственное отношение к местным ресурсам, создают торговые точки на региональных рынках, но не только там. В-третьих, они часто получают поддержку государственных структур, хотя не всегда привычными способами. Наконец, многофункциональность (как на уровне предприятия, так и на региональном уровне) составляет важную характеристику этих структур: разнообразные рынки взаимосвязаны вследствие своей многофункциональной природы и более тесного участия аграрных предприятий, хотя могут взаимодействовать и на территориальном уровне.

Сравнительный анализ становления новых рынков в Бразилии обнаруживает ряд существенных отличий от практик европейского и китайского аграрного развития. В Европе аграрное развитие – прежде всего, результат деятельности фермеров, активно и бесстрашно

решающих свои проблемы в поисках новых путей развития своих хозяйств. В КНР соответствующие инициативы и действия крестьян, может быть, менее упорны и энергичны, но порой принимают довольно решительные формы и могут опираться на поддержку государства. В Бразилии же на первое место выдвигаются аграрные движения [20]: главным следствием развития основных – часто глобальных – рынков сельскохозяйственной продукции и тесно связанных с ними рынков земли, труда и капитала стало стремительное увеличение безработицы в аграрном секторе экономики, маргинализация семейных ферм, хищническая вырубка лесов. Реакцией на эти процессы стали общественные движения, требующие вернуть гражданам доступ к земле и труду на земле, укрепить семейные хозяйства, защитить природу, добиться устойчивого аграрного развития.

Основное содержание современного аграрного движения в Бразилии составляют земельная реформа (цель – демонополизация земельного рынка), создание экологического сельского хозяйства (через создание новых связей между фермерством и рынками основного капитала) и программы массового производства продовольствия, реализация которых позволила бы снизить бедность. Все продовольственные программы – часть общенациональной политической кампании «Zero Hunger» («свести голод к нулю»). Экономисты полагают, что задачи всех программ могли бы быть реализованы через финансирование больших сетей розничной торговли и/или через импорт продовольствия, но в Бразилии пошли другим путем, создавая новые рынки для продукции крестьян и фермеров.

4 Компаративистский анализ противоречий между абстракциями аграрно-теоретических/идеологических моделей и повседневных хозяйственных практик

Мы считаем возможным проводить данный компаративистский анализ, опираясь на два основных понятия – институты и сценарии. Так, в политике развития сельских территорий Европейского Союза сочетаются, с одной стороны, общеевропейские и национальные институты, которые, как правило, организованы в иерархическом порядке, с другой стороны, «усиленные» структуры местного самоуправления и расширяющийся сектор гражданского общества, представленный как крупными ассоциациями, так и местными НКО. На вершине иерархии институтов сельского развития ЕС находится политика развития сельских районов, которая является частью общей сельскохозяйственной политики (ОСП). Она включает в себя два основных направления: прямые платежи и другие рыночные меры для поддержки фермеров и сельскохозяйственных производителей; и развитие сельских территорий. ОСП должна отвечать требованиям рыночной эффективности и конкурентоспособности, гарантировать территориальный баланс, создание новых рабочих мест и «умный» рост, способствовать смягчению последствий изменения климата, обеспечивать ответственное и устойчивое использование биологически возобновляемых ресурсов и гарантировать продовольственную безопасность ЕС.

Следующий уровень – институты национальных государств и правительства стран ЕС. Прежде всего, это министерства сельского хозяйства, которые разрабатывают политику развития сельских территорий в дополнение к политике в области сельского хозяйства, рыболовства и продовольствия. Другие министерства, которые вносят вклад в развитие сельских территорий – это министерство окружающей среды или территориального развития, которые получают директивы ЕС по общеевропейским вопросам; далее идут разные финансовые институты внутренней политики и др., которые так или иначе затрагивают развитие сельских территорий. Кроме того, существуют разные комитеты, группы и т.д., отвечающие за реализацию агроэкологических и сельскохозяйственных предписаний ЕС, а также национальные советы по управлению земельными, водными ресурсами, по планированию объектов водоснабжения, очистки сточных вод и т.д.

Следующий уровень – местные правительства, и они сильно различаются в государствах-членах ЕС. Здесь можно выделить несколько подуровней, каждый из которых имеет свои полномочия, обязанности и компетенции в области развития сельских территорий и

охраны окружающей среды. Обычно региональный уровень занимается финансовыми программами, охраной окружающей среды, организацией региональных агроэкологических программ и инвестиций (через механизмы совместного финансирования) в развитие сельских территорий. Коммунам/сельским муниципалитетам/поселениям поручают управление местной средой, например, решение вопросов загрязнения воды, сбора твердых отходов и т.д. Коммуны являются главными участниками развития сельских территорий, в основном благодаря разным инструментам и мерам, которые были введены правительствами с середины 1970-х годов для содействия политике местного развития.

Некоторые институты сельского развития более «видны», чем другие, потому что имеют четкую структуру и формальны, т.е. имеют правила и организованы. Другие институты могут быть «невидимы», потому что не имеют четкой структуры, «неформальны», у них нет письменных уставов и очевидной организации. Например, официальное «правительство» сельского поселения может иметь офис и людей, занимающих четко определенные роли – глава поселения, его секретарь и другие члены сообщества, которые выполняют официальные роли в соответствии с правилами и положениями устава поселения и законов страны, – это «видимый» институт. Локальные формальные институты, такие как разные формы ассоциаций и организаций, легко идентифицируются и имеют достаточно четкие цели. О существовании иерархии институтов сельского развития можно говорить и в российских условиях, где высшим эшелонem являются министерства и ведомства федерального значения, над ними могут стоять подписанные Россией соглашения с международными организациями, например, Международный пакт о климате или санкции, далее иерархия институтов имеет те же уровни, что ЕС – региональный и местный уровни.

Например, в Европе программу/методологию/подход LEADER можно рассматривать как формальный институт сельского развития, поскольку у него есть четкие правила: территориальные стратегии развития; подход «снизу-вверх»; государственно-частное партнерство, местные инициативные группы; содействие инновациям; интеграционный и межсекторный подходы; создание сетей, в том числе институциональных; сотрудничество. Реализация этих принципов на практике означает, что реальные люди разрабатывают местные стратегии развития и участвуют в мероприятиях по их реализации. Институт выступает как средство взаимосвязи вроде бы разрозненных действий по сельскому развитию, как инструмент мобилизации сельского населения, вносящий реальный вклад в повседневную жизнь людей в сельских районах, как способ поддержки инноваций и новых мер реагирования на старые и новые проблемы, поскольку является своего рода «лабораторией» для проверки

новых способов удовлетворения потребностей сельских сообществ. Кроме того, LEADER, существовавший ранее как независимый институт сельского развития, был включен в ОСП в программный период 2007-2013 годов.

В рамках компаративистского подхода интересным представляется сопоставление подхода LEADER и российских ТОСов. Они существуют не во всех субъектах Российской Федерации – лишь в 66% регионов, поскольку различаются системы поддержки и финансирования их работы. Согласно Федеральному закону №131, финансирование деятельности ТОС может осуществляться из средств местных бюджетов или из собственных средств ТОСов, но, к сожалению, оба источника финансирования недостаточны в большинстве муниципалитетов. Несмотря на разные системы поддержки ТОСов, нацелены они в основном на решение местных проблем территорий, в частности, на благоустройство, сохранение и использование исторического, культурного наследия и народных традиций, и промыслов, развитие физической культуры и спорта, поддержку социально-уязвимых групп, экологическую культуру и безопасность. Важным фактором эффективности ТОСов является то, что они создаются «снизу», способствуют развитию гражданского самосознания, привлекают разные группы населения к решению местных проблем, повышая мотивацию к участию в общественной деятельности.

Из приведенных выше описаний двух подходов к развитию сельских территорий видно, что в них есть много общего, хотя существуют и различия (Таблица 1).

Таблица 1 – Сравнение подходов к сельскому развитию

LEADER	ТОС
Создаются местные инициативные группы, в которые входят представители власти, бизнеса и местного населения	Объединения граждан
Деятельность осуществляется главным образом на сельских территориях	Деятельность осуществляется на сельских и городских территориях
Одна инициативная группа объединяет несколько муниципалитетов с общей численностью населения в среднем до 50 тысяч жителей. В Финляндии – от 14 до 100 тысяч	ТОС работает на части территории поселения: подъезд многоквартирного жилого дома, многоквартирный жилой дом с прилегающей к нему территорией, группа жилых домов, улица, квартал, группа кварталов, микрорайон, сельский населенный пункт и т.д.
Местные инициативные группы обязательно регистрируются как юридическое лицо	ТОС может работать и без создания юридического лица
Семилетние программы, четкая организационная структура. Каждая программа имеет	В некоторых регионах существуют региональные программы поддержки ТОСов

свои приоритеты, которые определяются Европейским Союзом. На уровне государств-членов ЕС существуют национальные программы сельского развития, на местах – стратегии местного развития с приоритетами территорий	
Решения по финансированию проектов принимают инициативные группы	Решения по финансированию проектов принимает муниципальная власть
Есть возможность реализации как крупных инвестиционных проектов, так и малых	Нет возможности финансирования крупных проектов, большая часть – малобюджетные
Финансирование проектов идет из нескольких источников: европейские фонды, национальные программы, софинансирование граждан/местного бизнеса	Финансирование деятельности ТОС может осуществляться из средств местных бюджетов или собственных средств ТОСов. Кроме того, существуют региональные варианты поддержки ТОСов: через региональные программы (Волгоградская область), конкурсы (Воронежская область) или законодательные акты (Архангельская область). Финансирование ТОСов также возможно через национальные приоритетные проекты или программы («Комфортная городская среда» в 2014-2018): финансирование идет через субсидии в региональный бюджет, а далее на проекты муниципального благоустройства
Приоритетные направления: развитие сельского хозяйства, туризм, сельский бизнес, модернизация ферм, интеграция новых групп (мигрантов), поддержка биоразнообразия	Приоритетные направления: сохранение исторического и культурного наследия, народных традиций и промыслов, туризм, благоустройство территорий, поддержка разных групп населения, развитие физической культуры и спорта, экологическая культура и безопасность
Содействуют формированию государственно-частного партнерства, развитию горизонтальных и вертикальных партнерских отношений	
Способствует объединению местных ресурсов	
Способствует решению социально-экономических проблем территорий	
Локально-ориентированный подход	
Формируется/развивается социальный капитал	
Высокая степень влияния вышестоящих структур через финансирование, политическое влияние	Высокая степень влияния вышестоящих структур через финансирование
Примеры проектов в Германии	Примеры проектов в России
Сельский магазин, кафе и место встреч для жителей местного сообщества: было реконструировано здание, в том числе и системы отопления и вентиляции, построены дворовые складские помещения, проведен ремонт внутренних помещений, обустроены магазин и кафе. Общий бюджет – 35 947 евро, из них 50% – частные средства	Тропую берендея: туристический проект по сохранению исторического и культурного наследия. Общий бюджет – 95125 рублей (примерно 1350 евро), из них 42% – проектное финансирование и 58% – частные средства
«Мое местное сообщество – почувствуй себя дома» – проект по интеграции мигрантов: одежда и другие товары для дома,	Ремонт аварийного моста. Общий бюджет – 73000 (примерно 1050 евро), из которых 84% – проектные средства и 16% – частные.

языковые курсы для детей и подростков, помощь в выполнении домашних заданий, распространение информации о жизни в муниципалитете среди иммигрантов. Общий бюджет – 56558 евро, из них примерно 22% – государственное финансирование и 63% – частные средства.	
Цифровизация сельской местности: около миллиона жителей из 570 сельских населенных пунктов пяти муниципальных районов получили доступ к высокоскоростному интернету (30 Мб в секунду). Общий бюджет – 40,9 млн. евро, из них 51% – государственное финансирование	Смотровая площадка, место отдыха местного населения. Общий бюджет –188000 (примерно 2700 евро) , из них 80% – проектные средства, 14% – муниципальная поддержка и 6% – частные средства

Формальные и неформальные институты часто пересекаются: неформальные, например, кооператив – это организованный, формальный институт, который привлекает сельское население в свои члены и поддерживает местные фермерские хозяйства. Но в любой среде, в которой существует формальный институт – кооператив, существуют и социально-культурные институты, например, социальные обязательства, которые заставляют людей, руководящих кооперативом, помогать своим родственниками и друзьям, т.е. те, кто отвечает за движение денег в кооперативе, могут получать выгоды от конкретных членов организации, будучи связаны с ними родством или дружбой, что подорвет движение (готовность) организации к достижению своих целей через систему открытого доступа и эгалитаризма. В целом неформальные институты более развиты в тех странах, где недоверие к государству и правительству находится на очень низком уровне, а также в малых местных сообществах, которые отдалены от «государевой руки». В России часто слабые или отсутствующие формальные институты способствуют становлению неформальных институтов, и это определяет развитие целых территорий.

Прежде чем перейти к возможным сценариям развития сельского хозяйства и сельских территорий на примере ЕС, перечислим факторы, определяющие развитие сельских территорий повсеместно. Во-первых, это факторы, вызывающие изменения в общей сельскохозяйственной политике: социально-политические, макроэкономические, технологические, социально-демографические, природные (состояние окружающей среды, производство биоэнергии и продуктов питания) и культурные (изменение ценностей). Например, среди факторов социально-политических изменений следует назвать заключенный в 2015 году Международный пакт о климате, который ввел ограничения, влияющие на развитие сельского хозяйства и сельских территорий; изменения в спросе на возобновляемые источ-

ники энергии и заменители нефти; общий уровень и формы субсидий ЕС для сельского хозяйства и развития сельских территорий; устойчивость глобальных соглашений и рост протекционизма в отношении государств и альянсов. Так, в мире наблюдается устойчивая тенденция перехода от нефти и угля как «неэкологичных» видов топлива, к более чистым/ экологичным источникам энергии (солнце и ветер). В течение последнего десятилетия наблюдается существенный рост инвестиций и ввод новых мощностей в этой сфере, причем параллельно снижается себестоимость электроэнергии, выработанной на новых предприятиях, что, в свою очередь, повышает конкурентоспособность возобновляемых источников энергии, которые, по прогнозам, к 2030 году сместят на второе место уголь и выйдут в лидеры в балансе производства электроэнергии в мире (уже сейчас доля возобновляемых источников энергии составляет более 23%) [21].

Среди факторов макроэкономических изменений следует назвать, прежде всего, изменения цен на энергетические ресурсы и доступность этих ресурсов, реальный экономический рост, который в значительной степени определяет покупательную способность населения, долгосрочные последствия экономического кризиса ЕС и изменение торговых отношений, резкие колебания цен в разных сферах экономики, которые влияют на цены на сельскохозяйственные и продовольственные продукты, стратегическое значение продовольствия как способа противодействия либерализации торговли (протекционизм), а также рентабельность разных отрезков производственной цепи внутри стран и на общеевропейском уровне. Макроэкономическая ситуация в России оценивается по-разному: оптимистичный прогноз характерен для чиновников, а пессимисты подчеркивают уязвимость экономики для внешних и внутренних вызовов, что может опять привести к резкому ухудшению экономической ситуации в стране (к таким вызовам относят зависимость российской экономики от котировок на нефть, санкции ЕС, которые ограничивают доступ России к финансовым рынкам; сокращение экспорта продукции машиностроения и других отраслей; демографическое давление и рост дефицита Пенсионного фонда).

Основные факторы технологических изменений – это возрастающее значение биотехнологий, особенно геномики, информационно-коммуникационных технологий и нанотехнологий, а также функциональных пищевых продуктов и генетически модифицированных, производство биомассы в искусственных условиях, так называемое «точное земледелие» и другие приложения пространственной информации, автоматизация в режиме реального времени в управлении производством, а также потенциальные средства мониторинга и наблюдения для разработки политики поддержки сельского хозяйства.

Среди факторов природной среды следует назвать, прежде всего, влияние изменений климата на условия производства сельскохозяйственной продукции, уменьшение биоразнообразия и угрозу разрушения экосистем размножением инвазивных видов, управление ресурсами пресной воды и использование сельскохозяйственных ресурсов в будущем, глобальную продовольственную безопасность и агроэкологические смягчающие меры, которые часто влекут за собой сокращение объемов сельскохозяйственного производства.

Что касается социально-демографических факторов, то наиболее важными для сельского развития являются изменения демографических и потребительских привычек населения, которые влияют на количественный и качественный спрос на продовольствие; в долгосрочной перспективе глобальные цены на продовольствие будут стимулироваться ростом и процветанием населения мира, но в среднесрочной перспективе (десятилетия) реальные цены будут по-прежнему снижаться; ожидается, что потребность в продовольствии возрастет на 70% к 2050 году, когда население мира превысит девять миллиардов человек; уровень образования, благосостояния и старения населения в западных странах влияет на качество и разнообразие продуктов питания; рост уровня жизни азиатского населения приводит к увеличению потребления мяса и молочных продуктов.

В свете перечисленных факторов изменения сельскохозяйственной политики на национальном и глобальном уровне можно предположить несколько сценариев развития сельских территорий (Рисунок 1).

Рисунок 1. Сценарии сельскохозяйственного развития

Первый, нынешний, сценарий предполагает нарастающую интеграцию сельской и сельскохозяйственной политик и концентрацию фермерских хозяйств и их реструктуризацию. Так, в Финляндии, согласно этому сценарию, количество ферм сократится до 35 тысяч, из них только пятая часть останется животноводческими, но производство сельскохозяйственной продукции не сократится; изменение климата в Финляндии пока не существенно, но в будущем этот фактор может повлиять на возникновение новых сортов растений; постепенно растут национальные и европейские субсидии, которые выплачиваются не по итогам производства, а с учетом других факторов, например, размера посевных площадей, что подрывает контроль за сельскохозяйственной политикой.

Второй сценарий – это попытка сдерживания изменений климата и формирование низкодоходного сельского хозяйства. Например, в Финляндии из-за изменений климата сокращается производство продукции животноводства и растениеводства, хотя предпринимаются попытки получения достаточного количества энергии без вредных воздействий на окружающую среду. Основным фактором данного сценария выступает политика ЕС в области энергетики и смягчения изменений климата, а также ОСП, которая поддерживает разработку технологий по сокращению выбросов, особенно в области регулирования переработки навоза и развития органического земледелия.

Третий сценарий – это инновации в области возобновляемых источников энергии или изменения в энергетическом обеспечении сельского хозяйства, и по данному сценарию глобальная экономика развивается достаточно успешно. Например, ЕС для смягчения последствий изменения климата значительно увеличил инвестиции в развитие технологий использования возобновляемых источников энергии в целях обеспечения устойчивого развития и энергетической безопасности. На трех уровнях (региональном, национальном и общеевропейском) установлены целевые показатели производства энергии на основе биомассы и разработана политика, предполагающая крупные капиталовложения в исследования и технические разработки, связанные с использованием альтернативных источников энергии. Одно из направлений концепции развития ЕС до 2030 года – биотопливо, которое поможет снизить зависимость европейских стран от нефти и газа и станет толчком к дальнейшему развитию лесного хозяйства и предпринимательской деятельности в сфере преобразования биомассы в биотопливо.

Четвертый сценарий – развитие сельского хозяйства в результате изменения торговой политики, в том числе в рамках ВТО. По мере либерализации мировой торговли исче-

зает так называемая «охрана границ производства сельскохозяйственной продукции»: сельскохозяйственные и продовольственные рынки ЕС становятся все более рыночно-ориентированными, в результате чего сельскохозяйственные субсидии и другие защитные механизмы сокращаются на фоне резкого усиления колебаний объемов производства и поставок сельскохозяйственной продукции (колебания спроса и предложения), а также цен на международном рынке. Повсеместно распространяется «типичная еда», которая производится там, где дешевле, а потому, прежде чем попасть на стол потребителя, она может «накатать» огромное количество километров, так как конечный потребитель заинтересован исключительно в ее низкой стоимости – лишь небольшая часть населения может позволить себе дорогую альтернативу (от местного производителя, экологически чистую еду). Предполагается, что глобальная либерализация и торговые соглашения будут способствовать экономическому росту и созданию новых рабочих мест, но относительные конкурентные преимущества разных регионов могут негативно влиять на различные отрасли экономики, особенно на сельское хозяйство северных территорий, которое отличается высоким уровнем себестоимости продукции и потому является рискованным.

Пятый сценарий – арктический брендинг как способ экспорта или качественные продукты питания и многопрофильное предпринимательство как локомотивы развития. Сегодня рост численности населения Земли замедляется из-за роста глобального благосостояния, которое подкрепляется развитием сферы обслуживания в развивающихся странах, сбалансированным развитием сельских районов и взаимодействием между городскими и сельскими территориями. Рентабельность сельского хозяйства развитых стран подкрепляется технологическими достижениями, благоприятными климатическими условиями, структурными изменениями в сельском хозяйстве, увеличением и изменением спроса на продовольствие в мире, особенно в связи с ростом уровня жизни в развивающихся странах. Так, например, производство сельскохозяйственной продукции в Финляндии растет и делает страну ее экспортером, который играет важную роль в удовлетворении спроса на продукты питания в Санкт-Петербурге и его области: большая часть экспорта приходится на безопасные высококачественные продукты. Рентабельность ферм и других сельских предприятий, как правило, повышается за счет межсекторного сельского предпринимательства, где высококачественная мелкомасштабная местная пищевая промышленность сотрудничает с предприятиями сферы услуг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Российская история свидетельствует о своеобразной и драматической динамике выборов страны из традиционных аграрных дихотомий «запад-восток» и «север-юг». Опираясь на мир-системный подход, можно утверждать, что Россия, как один из крупнейших игроков на полупериферии мирового капитализма, часто пыталась выстроить свою политико-экономическую модель с опорой на аграрный сектор и добиться влиятельной мировой позиции именно как агропроизводитель. Безусловно, в стране со столь большой территорией, как Россия, неизбежны и внутренние дихотомические противоречия сельско-городского развития, которые выразились в противостоянии развитого запада и отсталого востока, богатого севера и бедного юга страны. Однако, как и столетие назад в работах Ленина и Сталина, сегодня мы продолжаем переосмысливать позиции России в мировой аграрной политэкономической системе – как промежуточной территории между Западом и Востоком. Кроме того, уже в позднесоветский период Россия оказалась важным игроком «второго мира», занимая промежуточную позицию между странами первого и третьего мира. Сегодня Россия переосмысливает свои позиции в координатах севера и юга, что формирует несколько уровней в ее внутренней и внешней аграрной политике (ближний и дальний Север, ближний и дальний Юг в их глобальном и национальном измерениях). Так, ближний Юг для России – это, прежде всего, источник дешевого труда мигрантов (в основном из бывших советских республик в Азии), тогда как дальний Юг – скорее многообещающий рынок для российского экспорта, в первую очередь, зерновых. Нарастающая социально-экономическая поляризация внешнего и внутреннего пространства России в координатах «юг-север» порождает риски для российской аграрной политики и влечет за собой усиление автаркических тенденций, в том числе, в сфере аграрной кооперации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Хэнсон Т. Триумф семян: Как семена покорили растительный мир и повлияли на человеческую цивилизацию / Пер. с англ. Н. Майсурына, А. Олефир, под ред. В. Бологовой. М., 2018.
- 2 Моррис И. Собиратели, земледельцы и ископаемое топливо. Как изменяются человеческие ценности / Под ред. и с введением С. Мэсидо; с комм. Р. Сифорда, Дж.Д. Спенса, К.М. Корсгаард, М. Этвуд; пер. с англ. Н. Эдельмана. М., 2017.
- 3 Shanin T. The Awkward class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia 1910-1925. Claredron Press, 1972.
- 4 Шанин Т. Идея прогресса // Неформальная экономика. Россия и мир. М., 1999.
- 5 Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке / Под ред. В.В. Бабашкина. М., 2015.
- 6 Shanin T. Defining Peasants. Essays concerning Rural Societies, Expolary Economies, and Learning from them in the Contemporary World. Oxford, 1990.
- 7 Wolf E. Peasants. Englewood Cliff, 1966.
- 8 Wolf E. Peasant Wars in the Twentieth Century. N.Y., 1969.
- 9 Hobsbawm E.J. Peasants and Politics // Journal of Peasant Studies. 1973. Vol.1. No.1.
- 10 «Особый путь»: от идеологии к методу. М., 2018.
- 11 Wildman A. From the editor // An American Quarterly Devoted to Russia Past and Present. 1991. Vol.50. No.3.
- 12 Vogeler I. The Myth of the Family Farm: Agribusiness Dominance of U.S. Agriculture. Boulder, 1981.
- 13 Rothenberg D. With These Hands. The Hidden World of Migrant Farmworkers Today. N.Y., 1998.
- 14 Алаев Л.Б. Сельская община: «Роман, вставленный в историю». Критический анализ теорий общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе. М., 2016.
- 15 Wegren S. Private farming in Russia: An emerging success? // Post-Soviet Affairs, 2011. Vol.27. No.3.
- 16 Niederle P., Grisa C., Picolotto E., Soldera D. Narrative disputes on family farming public policies in Brazil: Conservative attacks and civic countermovements // Proceedings of the BRICS Initiative for Critical Agrarian Studies Conference. Moscow, 2017.
- 17 Visser O., Mamonova N., Spoor M. Oligarchs, megafarms and land reserves: Understanding

land grabbing in Russia // *Journal of Peasant Studies*. 2012. Vol.39. No.3-4.

18 Wetz Jr. W. Strategies and hybrid dynamics of soy transnational companies in the Southern Cone // *Journal of Peasant Studies*. 2016. Vol.43. No.2.

19 Oliveira G., Hecht S. (Eds.) *Soy, Globalization, and Environmental Politics in South America*. Routledge, 2017.

20 Shneider S., Niederle P. Resistance strategies and diversification of rural livelihoods: the construction of autonomy among Brazilian family farmers // *Journal of Peasant Studies*. 2010. Vol.37. No.2.

21 Грушевенко Е., Хохлов А. Россия на глобальном рынке ВЭИ. Российский совет по международным делам. 2017 // <http://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/rossiya-na-globalnom-rynke-vie>.